

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

М.А. КРАСНОВ

Глава государства: рецепция идеи "отцовства"

"И отцом себе не называйте никого
на земле, ибо один у вас Отец,
Который на небесах..."

(Мф. 23, 9)

Статья эта далась мне нелегко. Ее предмет – институт главы государства – оказался подобен извлеченному на свет древнему манускрипту: стоит дотронуться, и драгоценные страницы рассыпаются... Отчего так?

Необходим? Бесполезен? Опасен?

Пока мы не слишком задумываемся над термином "глава государства", он представляется нам вполне обыденным, привычным. Однако стоит поставить некоторые вопросы, как всплывает образ довольно странного феномена.

1. Далеко не во всех конституциях есть даже упоминание о таком институте, как глава государства. Да и не все страны имеют писаную конституцию. И тем не менее *все монархи и президенты*¹ воспринимаются, начиная с правил дипломатического протокола и кончая учебной, научной литературой, главами государств. Например, В. Чиркин утверждает, что "типичным для современных условий главой государства с республиканской формой правления является единоличный президент. Это должностное лицо возглавляет государство в 150 странах мира (из приблизительно 200), остальные имеют ту или иную монархическую форму правления" [Чиркин, 1997, с. 18]. Но самое интересное, что восприятие монархов и президентов в качестве глав государства, даже если они официально не именуются таковыми, как бы *совершенно естественно*, то есть не предполагает представления доказательств такого их ста-

¹ Речь идет о главе государства именно как о персоне не только потому, что общее правило состоит в замещении этого поста лицом, а не органом, но и потому, что коллегиальный орган, как, например, Федеральный совет Швейцарии или даже "дуумвират" – капитаны-регент в Сан-Марино, вряд ли могут считаться главой государства, хотя и существует понятие "коллегиальный глава государства".

туса². Другими словами, институт этот воспринимается, по существу, как *имманентный* государственности³.

Откуда такая естественность?

Более-менее она понятна, когда речь идет о *современном монархе*. Во-первых, его *сакральная легитимация* (монарх – помазанник Божий либо, как, например, в Японии, – прямой потомок божества) сохраняется и в светском государстве. Отсюда – и его исключительное, верховное, хотя и не в политическом смысле этого слова, место в системе государственной власти. Кроме того, монархи по традиции обладают абсолютным иммунитетом.

Например, русский государствовед В. Ивановский говорил, что одним из преимуществ государя является "*свобода от подчинения общим законам* (в этой и всех последующих цитатах курсив мой. – М.К.) по правилу *princes legibus solutus est*, и как следствие отсюда *безответственность монарха составляет прерогативу представителей монархической власти не только в государствах абсолютных, но и в конституционных*. Это объясняется тем положением, что монарх есть источник всякой власти: что власть всех учреждений, как административных, так и судебных заимствуется от него, и что поэтому в государстве нет таких учреждений, которые были бы компетентны судить государя. *Для него существует лишь суд истории и его собственной совести*" [Ивановский, 1896].

Политическая же ответственность государя при проведении, скажем так, ошибочной политики перекладывается на его министров. Не случайно известный русский юрист А. Алексеев одну из своих книг так и назвал – "Безответственность монарха и ответственность правительства" [Алексеев, 1907]. Дж. Локк смягчал эту идею тем, что, хотя личность короля неприкосновенна и монарх не несет ответственности, это не значит, что его незаконному приказу нельзя сопротивляться: "Ведь не поручение, а власть дает право действовать; однако *против законов не может быть никакой власти*" [Локк, 1988, с. 382]. А Ш. Монтескье писал: монарх, возглавляющий исполнительную власть, может дурно пользоваться ею только потому, что у него дурные советники (министры), а потому только последние и могут быть привлечены к ответу [Монтескье, 1955, с. 58].

Во-вторых, не следует забывать, что монарх, как правило, именовался *государем*. Заменявший его в эпоху буржуазно-демократических революций термин "глава государства" призван был показать, что король, император и т.п. хотя и сохраняют свою природу, но уже не имеют всеобъемлющей власти, то есть возглавляют государство, но не тождественны ему.

Но почему с такой же естественностью главами государств именуют и *президентов республик*? Так, первый из современных президентов – президент США, по американской конституции является только главой исполнительной власти. Тем не менее конституционалисты и политические философы XIX в. (в частности, А. де Токвиль [Токвиль, 2000]) и наши современники [Бернам, 2006; Лукьянов, 2007; Дёгтев, 2005; Сахаров, 1994] без колебаний называют его и подобных ему президентов в странах с такой же, то есть президентской, моделью главой государства⁴.

² Так, у исследователей не возникает вопроса о том, является ли Королева Великобритании и Северной Ирландии главой этого не имеющего писаной конституции государства, формально главой и ряда других государств – Австралии, Новой Зеландии и др. [Маклаков, 1982, с. 54; Крылов, 2001, с. 494].

³ Отдельные исследователи дают понять, что они – не сторонники "имманентности". Так, А. Автономов пишет, что глава государства не всегда и не везде "является необходимым элементом государственного аппарата" [Автономов, 2005, с. 280]. Но эти исключения только подтверждают правило. Об отсутствии главы государства именно как об исключении говорится также в [Конституционное... 1999, с. 599].

⁴ Н. Сахаров так обосновывает такую естественность: "В... конституциях США и Мексики (последняя имеет модель власти, аналогичную американской. – М.К.) прямо не определено, что президенты этих стран являются одновременно и главами правительств, и главами государств. Такой дуализм статуса президента в данных президентских республиках – явление как бы само собой разумеющееся, тем более, что ни Конституция США, ни Конституция Мексики не предусматривают отдельно поста главы правительства" [Сахаров, 1994, с. 9].

2. Практически все дефиниции главы государства (см. [Баглай, Туманов, 1998, с. 75; Конституционное... 2001, с. 87; Мишин, 2004, с. 202; Конституционное... 1999, с. 598–599; Автономов, 2005, с. 279; Конституция... 1995, с. 36; Чиркин, 1997, с. 20–21]) сводятся к упоминанию двух его функций (ролей): *представительской* (официальный высший представитель государства внутри страны и на международной арене) и, несколько реже, *символизирующей* (символ единства народа и/или государства). Причина такого сходства научных мнений проста: конституции государств, причем с совершенно разными формами правления и системами власти с этого обычно и начинают описание статуса главы государства (правда, символизирующая роль характерна, как правило, для конституционных монархов). Вот несколько примеров.

Конституция Российской Федерации (ст. 80): "Президент Российской Федерации как глава государства *представляет Российскую Федерацию* внутри страны и в международных отношениях".

Конституция Итальянской Республики (ст. 86): "Президент Республики является Главой Государства и *представляет национальное единство*".

Конституция Японии (ст. 1): "Император является *символом государства и единства народа*..."

Конституция Испании (ст. 56): "Король является главой Испанского государства, *символом его единства и постоянства*".

Основной Закон Федеративной Республики Германии (ст. 59): "Федеральный президент *представляет Федерацию* в международно-правовых отношениях".

Конституция Латвийской Республики (ст. 41): "Президент Республики *представляет государство* в международных отношениях..."

Но если в этом заключается основной смысл главы государства, спрашивается: ***так ли уж необходим этот институт, несущий церемониальную нагрузку?*** Отдельные ученые, хотя их и меньшинство, обоснованно задаются таким вопросом. Например, А. Мишин утверждал, что поскольку президент есть "орган рудиментарный, остаток некогда блистательной монаршей прерогативы", постольку "такой *анахронизм*, как глава государства, *может быть устранен*, так как его реальная роль и значение настолько *ничтожны*, что как таковой он на практике принимает весьма незначительное участие в делах управления государством" [Мишин, 1976, с. 246–247].

Этот вывод может показаться ничем не оправданной крайностью. Большинство исследователей так его и воспринимают [Суворов, 1998, с. 52; Конституционное... 1999, с. 599; Автономов, 2005, с. 279], однако противопоставляют этому, как правило, несколько "позитивистскую" аргументацию. Так, А. Осавелюк, возражая Мишину, пишет: «Вряд ли правильно считать составителей подавляющего большинства конституций людьми недостаточно разумными или одержимыми "филистерским преклонением перед короной". Скорее следует предположить, что для конструирования института главы государства есть вполне рациональные, а следовательно, разумные основания». Правда, этот автор соглашается с тем, что функцию *высшего представительства* в принципе можно было бы передать другим институтам, ибо "выделять под эту функцию особый орган или включить ее в компетенцию другого органа (других органов) — дело *политического выбора*" [Конституционное... 1999, с. 599]. Выходит, сам "политический выбор" является обоснованием органичности института главы государства.

Некоторые юристы пытаются найти те самые "рациональные, разумные" основания естественности главы государства. В. Суворов, например, пишет: «В чем же *незаменимость* (во всяком случае, в современном мире) этого государственного института, даже в условиях парламентарного режима? Глава государства занимает место как бы "над ветвями власти" и даже при фиктивности своих полномочий помогает им нормально функционировать, как бы уравнивает, осуществляя функции, которые внешне выполнять другим органам государства противоестественно, нелогично, даже несмотря на то, что действия главы государства обусловлены, определены ими. Например, с точки зрения разделения властей было бы не вполне понятным, если бы и формально роспуск парламента осуществлялся правительством, которому только что выразили недоверие.

Так же естественна, хотя обычно во многом формальна, роль главы государства при формировании правительства в парламентарных и смешанных республиках, несмотря на то, что его действия детерминированы составом представительного органа» [Суворов, 1998, с. 53]⁵.

Более фундаментальную роль главы государства (конкретнее – президента) пытается обосновать Чиркин. Свою позицию он строит на том, что «концепция разделения властей, являющаяся непреложным постулатом демократии, имеет прежде всего ориентирующий характер и нигде, по крайней мере в современных условиях, не осуществляется и, видимо, не может быть осуществлена в "чистых формах"» [Чиркин, 1997, с. 15]. Это верно.

Впрочем, о "чистых формах" нельзя было говорить и триста лет назад. Например, основоположники современной теории разделения властей – Локк и Монтескье – делили исполнительную власть, условно говоря, на "внешнюю" (первый называл ее федеративной, второй – исполнительной, ведающей вопросами международного права) и "внутреннюю", хотя и не предлагали, чтобы эти разновидности осуществлялись разными институтами. Тем не менее в теории фигурирует понятие просто исполнительной власти, что и было воспринято первой построенной на принципе разделения властей Конституцией США. В то же время сегодня конструкция деления исполнительной власти на "внешнюю" и "внутреннюю" находит некоторое отражение в странах с полупрезидентской моделью, где "внешняя часть" отнесена чаще всего к компетенции президента (в России, например, именно президент руководит внешней политикой, подписывает договоры, назначает и отзывает послов, и пр.). Нельзя говорить о "чистых формах" и в другом отношении. Так, Локк главенствующей видел законодательную власть, которую он называл единственно верховной в государстве и которой, по его мнению, все должны подчиняться, правда, с оговорками для королей. Монтескье же теоретически предлагал более сбалансированную систему. Любопытно, что американские колонисты, испробовав локковскую идею, отказались от нее, и позже в самой Конституции США закрепили модель, более близкую к взглядам Монтескье.

Как бы то ни было, Чиркин прав насчет ориентирующего характера концепции разделения властей. Однако одно дело – приращение к известной триаде новых "ветвей власти" (в частности, контрольной, избирательной) и другое – попытка обосновать посредством концепции разделения властей эксклюзивное положение главы государства. Так, Чиркин пишет, что главная черта президентской власти *в полупрезидентской республике* – "стремление поставить президента *над ветвями власти, над институтами государства*, но не в качестве лица, сосредоточивающего в своих руках властные полномочия других ветвей власти, а *в качестве арбитра* в отношениях с ними" [Чиркин, 1997, с. 20]. К сожалению, Чиркин лишь констатирует такое стремление, но не оценивает, не анализирует его истоки. А ведь именно здесь главная проблема. Как будет показано ниже, арбитражная (и гарантирующая) роль главы государства представляется совершенно верным направлением поиска подлинного предназначения этого института. Но тогда, во-первых, следует понять, является ли (должна ли являться) такая роль свойственной президентам только в полупрезидентской модели или она универсальна (ведь об арбитражной роли говорят и конституции некоторых парламентарных государств – республиканской Греции и монархической Испании). Если же такая роль не универсальна, то можно ли говорить об общей дефиниции института главы государства, отражающей его *специфику в такой же степени*, как в общепринятых определениях, например,

⁵ Тут, впрочем, нужны некоторые пояснения. Во-первых, неверно говорить "даже в условиях парламентарного режима". Дело в том, что в рамках парламентарной модели институт главы государства как раз более естествен и менее опасен, нежели в президентской и смешанной моделях (об этом подробнее см. ниже). И во-вторых, слова о том, что действия главы государства *определены другими органами* государства, подразумевают политическую несамостоятельность главы государства в рамках парламентарной модели и некоторых модификаций смешанной модели власти. Такой (политически не самостоятельный) глава государства, например, отправляя правительство в отставку, принимает не собственное решение, а только "легализует" решение, продиктованное парламентским большинством.

парламента (представительство интересов и принятие законов) и судов (осуществление правосудия)?

И во-вторых. На мой взгляд, *весьма опасна концепция института, стоящего над всеми ветвями власти*. Правда, опасность снижается в тех странах, где, с одной стороны, общество уже не исповедует патриархальных ценностей и представлений о государственной власти, а с другой – система власти сконструирована так, что президент далеко не всемогущ, как может показаться на первый взгляд. Но во множестве посттоталитарных (постсоветских) стран, воспринявших полупрезидентскую модель, такая концепция фактически служит теоретическим обоснованием авторитаризма главы государства.

Действительно, современный глава государства, за исключением президентской модели, не входит ни в одну из известных ветвей власти, хотя и предпринимаются попытки обосновать существование отдельной президентской ветви. Но означает ли это, что данный институт стоит *над* всеми властями, что к тому же подчеркивается самим его наименованием – *глава* государства, или все же он представляет собой вполне функциональный, хотя и весьма своеобразный, институт, стоящий *рядом* с традиционными ветвями власти (публично-властными институтами) в общей системе власти и предназначенный для контроля за конституционностью отправления ими функций?

3. Наконец, нельзя обойти вниманием еще один вопрос: *не входит ли в противоречие с ролями главы государства как высшего представителя, символа государства и единства нации, гаранта и арбитра партийная принадлежность президента?* Ведь соединение в одном институте двух начал – общенационального и партийного – неизбежно приводит к их противоборству и, как правило, побеждает партийное начало.

Показательно, что как Б. Ельцин, так и В. Путин всячески подчеркивали свою "партийную нейтральность", представляя себя как "президент всех россиян", и не соглашались формально становиться членами (лидерами) какой-либо партии. Но при этом всем было понятно, к каким партиям (партии) они испытывают больше, а к каким – меньше симпатий. Казалось бы, Путин в конце срока своих полномочий нарушил "традицию" политической нейтральности, согласившись возглавить федеральный список Единой России на выборах в Госдуму (2007 г.) не будучи ее членом⁶. Однако, поскольку и без того было широко известно, что за этой партией стоит именно он, что именно он обеспечивает популярность партии, а не наоборот, постольку в практическом плане мало что изменилось. *Игра в "надпартийного" главу государства продолжается*. Это подтверждается, в частности, и тем, что креатура Путина – Д. Медведев был "выдвинут" в качестве кандидата в президенты не одной, а четырьмя партиями, что должно было продемонстрировать "консенсус элит", хотя тут очевиден попросту аппаратный (бюрократический) ход.

На мой взгляд, истоки этого противоречия коренятся в истории появления института главы государства (примерно XVII–XVIII вв.). Когда доктринально (вспомним Локка и Монтескье) оформлялась концепция разделения властей, где монарху отводилась роль главы исполнительной власти, о факторе партийности не задумывались. "Исполнительная власть, – писал, в частности, Монтескье, – должна быть в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими; напротив, все, что зависит от законодательной власти, часто лучше устроивается многими, чем одним" [Монтескье, 1955, с. 71]. Но мы не вправе от автора той или иной концепции ожидать, чтобы он предусмотрел все будущие аспекты ее практического воплощения. Цивилизационный скачок состоял уже в самой идее разделения властей. Поэтому естественно, что Локк и Монтескье сосредоточились лишь на идее самого функционального разграничения сфер власти.

Впрочем, они и не смогли бы увидеть современные проблемы системы разделения властей, поскольку вся политическая система "позднего феодализма" была совершенно иной: парламент еще не представлял собой собрания институализированных политических сил

⁶ Затем Путин стал лидером, но не членом Единой России (и только с момента сложения с себя президентских полномочий), а Д. Медведев как избранный Президент РФ отказался от предложения о вступлении в эту партию.

и не формировал правительство, не было института выражения недоверия, равно как и роспуска парламента в современном его понимании и т.д. Да и король формально не был представителем какой-то политической силы, хотя объективно выражал некие политические интересы, поскольку осуществление исполнительной власти предполагает проведение вполне определенной, то есть партийной или коалиционной политики. Но, по исторической инерции, монарх воспринимался как "король всего народа" или, говоря современным языком, как "национальный лидер". Не случайно Локк оправдывал даже нарушение законов королем, если его действия направлены на общее благо: "Вот почему народ, имея основание быть довольным этими государями, в тех случаях, когда они поступали не по закону или вопреки букве закона, соглашался с содеянным и без малейшей жалобы давал им возможность увеличивать сколько угодно свою прерогативу, справедливо считая, что они этим не наносили ущерба законам, поскольку они поступали в соответствии с основной и целью всех законов – общественным благом" [Локк, 1988, с. 360]. Понятно, что эта мысль не согласуется с принципом правового государства, но нельзя требовать современных взглядов от мыслителя, творившего более трехсот лет назад...

Нужно признать, что не так уж не прав был Мишин, говоря о нынешнем институте главы государства как о рудименте монархического правления. Ведь что произошло: с одной стороны, конституционные монархи со временем все больше теряли свою власть, действительно становясь лишь символами государственности; с другой – на смену им пришли, так сказать, "республиканские короли" – президенты республик. Не случайно в буквальном переводе слово "президент" означает "председатель", а значит, президент становится, по сути, "председателем народа". Даже присяга президента содержит его обязательство служить, среди прочего, народу в целом. Другими словами, на президента была перенесена монархическая – общенациональная роль.

Однако, если современные конституционные монархи стали в наибольшей степени соответствовать этой роли, дистанцировавшись от текущей политической жизни и, соответственно, от межпартийной борьбы, то президенты (во всяком случае, в президентской и полупрезидентской республиках), наоборот, активнейшим образом участвуют в такой борьбе. Их политический нейтралитет не может соблюдаться, поскольку президенты замещают свою должность благодаря победе на *всеобщих выборах*, то есть в ходе политической, а порой и идеологической борьбы. И даже если президент формально не состоит в конкретной партии, он неизбежно будет исповедовать определенную политическую, партийную линию, являясь политически ангажированным. И эта ангажированность не может не проявлять себя в условиях, когда сами конституции "приглашают" главу государства к активному участию в политической жизни.

"Ты царь: живи один"?

Итак, поставленные выше вопросы позволяют говорить о некоторых странностях и противоречивости института главы государства. Причем эти странности носят отнюдь не сугубо теоретический характер. При определенных условиях этот институт в современном его понимании способен угрожать устойчивости самой государственности. Угроза кроется прежде всего в отмеченном противоречии между ролями объединителя нации и *de facto* партийного деятеля. Забегая вперед, подчеркну, что мое несогласие с существующей концепцией главы государства не означает неприятия этого института: я собираюсь предложить гипотезы лишь об иной его природе и ином предназначении.

Но вначале следует хотя бы кратко рассмотреть причины, по которым нельзя согласиться с характеристикой главы государства как фигуры, которая находится "вдали от суетной повседневной политики с ее партийными сделками, парламентскими скандалами, избирательными треволнениями" [Мишин, 2004, с. 202]; то есть, по существу, фигуры, к которой применимы пушкинские слова: "*Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум...*" Это справедливо в отношении общественной роли поэта, но никак не может быть отнесено к фигуре главы государства. Однако в науке невольно рисуется именно такой образ главы государства, причем как теми, кто не считают этот институт имманентным государственности, так и теми, кто питают теоретическую лояльность к нему.

Как уже было замечено, восприятие главы государства как института, стоящего над всеми иными публичными институтами, обязано монархической идее. Отсюда и его противоречивость. Правда, некоторые исследователи склонны как раз противопоставлять институт президентства институту монарха. Например, Г. Дёгтев утверждает, что "одним из институтов, *через которые осуществляется демократия*, является *институт президентства*, возникший в рамках европейской политической культуры Нового времени, т.е. в эпоху формирования гражданского общества, как *альтернатива монархизму*" [Дёгтев, 2003, с. 5].

Такая позиция представляется спорной. Ведь получается, что *республика* (и соответственно, глава государства в ней) есть "демократическая антитеза" монархии, поскольку между современными монархами и президентами как главами государств нет принципиальной разницы.

Между прочим, не только Аристотель, обрисовывая разные типы государства, говорил о древнегреческой демократии (в частности, олицетворяемой эфорами) при наличии царя [Аристотель, 2003, с. 365], но и у родоначальников концепции разделения властей ее реализация не связывалась обязательно с республикой, скорее, наоборот. Данный взгляд опровергается и существованием в сегодняшнем мире вполне успешных демократических стран с конституционно-монархической, а не республиканской формой правления. Кстати, именно конституционно-монархическая форма в большей степени связывается с устойчивостью демократии⁷.

Если же под монархизмом у Дёгтева понимается только абсолютная монархия, то и в этом случае президентскую власть нельзя считать ее альтернативой. Да, первый институт президентства (в США) действительно был альтернативой британской короне. Но не исторической альтернативой монархизму вообще. Во-первых, британский монарх к тому времени уже не был самодержцем в классическом смысле слова. Поэтому американское президентство возникло как альтернатива метрополии, олицетворявшейся королем, не более того. Во-вторых, не только до принятия Конституции США 1787 г., но и позже среди политической элиты американских колоний велась довольно острая дискуссия относительно формы правления будущего независимого государства, в том числе обсуждалась идея американского монарха. Если что и следует противопоставлять монархизму (абсолютизму), то это *конституционализм*, под которым понимается идея и практика *правового ограничения власти*. А. Токвиль, например, критиковал современную ему французскую систему власти (1830–1840 гг.) за институциональные несовершенства, препятствующие демократии, но отнюдь не за саму монархическую форму правления, подчеркивая, что власть короля, пэров и депутатов обязана конституции [Токвиль, 2000, с. 309]. Столь же неверно говорить, что и демократия осуществляется через институт президентства. Максимум, на что пригоден этот институт в условиях демократии, – лишь обеспечивать, гарантировать демократические процедуры, но уж точно не "осуществлять демократию". В том-то и дело, что сам по себе ***институт главы государства, и особенно республиканский, объективно несет в себе заряд как раз не демократии, а авторитарности.***

Другое объяснение трансформации института главы государства в президентство предложено Мишиным: "Глава государства – институт современной демократии, но своим появлением на свет он *обязан абсолютной монархии*, т.е. позднефеодальному политическому учреждению. В период создания буржуазной государственности *мышление новой господствующей элиты было ограничено историческими рамками эпохи*, что

⁷ Как свидетельствует исследование М. Липсета (1972), "из 12–13 существующих в мире наиболее стабильных демократий десять – монархии. Благодаря сохранению монархических институтов и традиций утвердившийся там новый государственный строй сумел обеспечить достаточно лояльное отношение к себе со стороны бывшей аристократии и чиновничьих кругов" (цит. по [Варламова, Пахоленко, 1997, с. 32]). Я также считаю конституционную монархию более эффективным строем, обеспечивающим демократию [Краснов, 1998].

нашло свое выражение в весьма сильном воздействии на общественное сознание политических и иных учреждений абсолютизма. Правящая элита не могла, даже вводя *самую прогрессивную буржуазную форму правления – демократическую республику*, полностью уничтожить все монархическое. Она создала институт главы государства, что было *данью преклонения перед короной*" [Мишин, 2004, с. 202]. Таким образом, здесь можно увидеть уже не "идею демократической альтернативы монархизму", а напротив, восприятие института главы государства как рудимента абсолютной монархии. Видимо, этим и объясняется явно сквозящая в приведенной позиции антипатия к республиканскому институту главы государства, которую Мишин и не скрывал. Хотя А. Автономов справедливо критикует эту позицию за некоторое смешение понятий "абсолютный монарх", "президент" и "глава государства", отмечая, что и абсолютная монархия – не признак только позднего феодализма, и не все древние, средневековые и современные республики имели и имеют главу государства [Автономов, 2005, с. 280], но, думается, Мишин в данном случае уловил главное: *ген авторитаризма*, присутствующий в институте главы государства.

Современный монарх возглавляет государство, так сказать, *не сакрально, а функционально*, то есть не как самодержец, не как государь, а только, пользуясь терминологией Аристотеля, как "государственный муж". Власть последнего, по Аристотелю, – это "власть над свободными и равными" ("по природе"), тогда как власть монарха – "власть господина в семье", то есть власть над теми, кто, опять же "по природе" – временно (дети) или постоянно (женщины, рабы), – представляют собой не полноценную личность, а только принадлежность господина [Аристотель, 2003, с. 320]. Конституционный монарх сегодня называется *монархом* только благодаря сохранению традиционного способа замещения престола и отсутствию понятия "срок полномочий". Но он уже не *единовластный* правитель, а потому фактически и не является монархом, если исходить из буквального перевода этого слова. Другими словами, он не "классический монарх", главным образом, потому, что возглавляет государство не в прямом, патриархальном смысле, а лишь в смысле функциональном. Такая трансформация, на мой взгляд, объясняет, *почему монаршая роль (функция) главы государства при республиканском строе была перенесена на президента*. Десакрализация этой роли, снятие с нее патерналистской "нагрузки" обусловили и естественность переноса статуса главы государства на президента, поначалу бывшего, как и монарх в первоначальной теории разделения властей, только главой исполнительной власти. Так что никакой "альтернативы монархизму" институт президентства не представлял.

Дальнейшее "развитие событий" – множасьее разнообразие моделей (систем) власти в рамках демократического типа государственности – поставило совершенно новые вопросы. С одной стороны, конституционные монархи превращались в церемониальные фигуры. А поскольку идея переноса статуса главы государства на президентов стала как бы естественной, постольку и президенты парламентарных республик оказывались такими же символическими главами государств (не случайно некоторые авторы различают номинального и реального главу государства [Суворов, 1998, с. 57]). С другой стороны, стало очевидно, что понятие "глава государства" входит в противоречие с понятием "президент" в странах с президентской и полупрезидентской (смешанной) моделями, где глава государства одновременно является активным политическим игроком. И не просто входит в противоречие, но и в сегодняшнем своем состоянии, как говорилось выше, угрожает устойчивости государства. Почему?

Вождизм: традиции или институты?

В политологической литературе существует опасение, что глава государства может переродиться в автократа. Так, известный американский политолог Х. Линц среди аргументов против модели "активного президента" приводит такой: "Убеденность президента в том, что он обладает независимой властью и пользуется поддержкой народа, может создавать у него ощущение собственной силы и миссии, даже если количество

проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, *он начинает воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор*, в отличие от премьер-министра (в парламентарной модели. – М.К.), который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна..." [Линц, 2006, с. 217].

Это было сказано в 1990 г., когда исследователь не знал, что очень скоро сразу несколько стран, образовавшихся на территории бывшего СССР и конституционно принявших смешанную (полупрезидентскую) модель – Туркменистан, Белоруссия, Россия, Казахстан, Азербайджан и др., – наглядно подтвердят и даже актуализируют его наблюдение. Несмотря на официально провозглашенные принципы демократической организации власти, в том числе принцип разделения властей, в этих странах можно видеть совершенно патриархальное отношение к главам государств – от почти религиозного поклонения до ненависти⁸.

Почему в других государствах с той же моделью власти – Франции, Португалии, Словении, Болгарии, Украине и др. – президенты могут быть популярными или непопулярными, но все же остаются (пока, во всяком случае) обычными политиками? Может быть, сказываются культура, традиции? Часто именно этим объясняется такой феномен. Однако, к примеру, Россия в социокультурном смысле явно отличается от Туркменистана. И наоборот, Украина или Болгария в том же смысле схожи с Белоруссией. Что же до традиций, то те же Украина и Белоруссия не имели собственных государей, благодаря которым мог бы развиваться синдром, именуемый некоторыми социальными психологами "царецентризм" [Стефаненко, 2003, с. 147]. Или другой пример: Португалия и Россия долгое время были абсолютными монархиями, причем империями, затем обе существовали под властью диктаторских режимов, однако восприятие фигур своих президентов обществами этих стран разительно отличается.

В любой стране можно найти харизматические фигуры, страстно стремящиеся стать лидерами нации, а некоторые – и всемогущественными вождями (здесь абстрагируемся от того, с какой миссией). Другое дело, что не всем это удастся. Равным образом, *любой* народ при определенных условиях может с радостью согласиться с подчинением такому вождю. Анализу общих психологических механизмов подобного процесса посвящены труды Г. Ле Бона, З. Фрейда, Э. Фромма, С. Московичи и др., показывающие, что ни одна страна, к какой бы культуре она ни принадлежала, не застрахована от сценария "вождь-масса" (например, Московичи говорил о некоторых попытках даже Ш. де Голля применить подобный сценарий [Московичи, 1996, с. 435]).

Однако социальная психология *отвлекается от институциональных условий*. Так, Московичи считает, что "вожди появляются как ответ на психологическую нищету масс" [Московичи, 1996, с. 452]. За расшифровкой "психологической нищеты" можно обратиться к Фрейду, отмечавшему в качестве признаков толпы такие, как "исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению внезапных намерений". А подобный "регресс к примитивной душевной деятельности", по его словам, характерен именно для первобытной орды [Фрейд, 1998, с. 175–176]. Правда, некоторые социальные психологи, исследующие психологию толп, пытаются обрисовать пути, *препятствующие* превращению современного социума в "первобытную орду", предлагая в этих целях, например, "восстановление независимости людей (или, в общем случае, меньшинств), разделе-

⁸ Достаточно сопоставить общественные настроения в России по одному и тому же вопросу – возможности замещения президентского поста в третий раз. В 1998 г. Государственная дума, несмотря на заявление Ельцина о том, что он не намерен вновь баллотироваться на выборах Президента РФ, направила запрос в Конституционный суд РФ. Сравните это с периодическими "верноподданническими" кампаниями, проходившими в поддержку "третьего срока" президента В. Путина.

ние частной жизни и жизни общественной, ограничение влияния медиа в целях создания пространства диалога и социального общения. Одним словом, сделать невозможным всякое магическое и идолопоклонническое осуществление власти, которое создает видимость ее всемогущества и всеведения в глазах масс" [Московичи, 1996, с. 452–453].

Но, во-первых, подобные рецепты слишком общи; во-вторых, не очень ясен субъект их реализации; наконец, среди социальных психологов нет единства и по поводу самих рецептов. Например, Фромм не видел большой разницы между механизмами компенсации социального одиночества в тоталитарном и демократическом государствах. "Главные пути, по которым происходит *бегство от свободы*, – резюмировал он, – это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии" [Фромм, 1989, с. 118]. Добавлю, что "вынужденная конформизация", как демонстрирует постсоветская история России и ряда других стран СНГ, весьма недалеко отстоит от "подчинения вождю". Именно так мы и "убегаем от свободы".

Важно, что, показывая психологический механизм "бегства от свободы", социальная психология не дает ответа (да и не ее это задача) на вопрос, почему где-то такой механизм срабатывает, а где-то – нет. Неужели всякое общество зависит от *игры случая*: появится или нет харизматический лидер, захочет он или нет воспользоваться благоприятными условиями для укрепления своей единоличной власти? Положительный ответ на такой вопрос не только страшен, как страшен всякий фатализм, но еще и неверен. Национальная ментальность, геополитические условия, исторические традиции играют существенную роль; они при определенных условиях могут усиливать (облегчать) восприятие главы государства как вождя либо, напротив, препятствовать этому. Но *не они определяют*, сработают ли закономерности, по которым общество превращается в толпу, желающую раствориться в вожде.

Вообще, если рассуждать с рационалистических позиций, какого-то одного фактора, предопределяющего этот феномен, не существует. Однако **институциональное обустройство публичной власти** является, по моему мнению, одним из наиболее мощных факторов, хотя именно ему не придается того внимания, какого он заслуживает. Если же говорить более конкретно, само *место, которое конституционно отводится главе государства*, характер и объем его функций и полномочий, общий баланс сдержек и противовесов способны, при прочих равных условиях, воспрепятствовать или хотя бы ограничить движение в сторону вождистской системы.

Здесь не случайны слова *при прочих равных условиях*. Повторю, что институциональный фактор – не абсолютный детерминант, то есть он не всегда способен перевесить то, что называется течением обстоятельств, действием непреодолимой силы, силой стереотипов и т.п. Яркий пример того, как в целом нормальная институциональная система власти не выдержала напора иных условий, – *история конца Веймарской республики*. По Конституции 1919 г., называемой Веймарской, в Германской империи (а именно так именовалось тогда германское государство) впервые была установлена модель власти, которая впоследствии получит название полупрезидентской, или смешанной. Характерная ее черта – наличие всенародно избираемого президента и в то же время относительно самостоятельного правительства, подотчетного как парламенту, так и президенту. Глава государства в такой модели – довольно сильная фигура. Действительно, германский президент обладал весьма серьезными рычагами, в том числе для предотвращения антиконституционной деятельности. Так, ст. 48 Веймарской Конституции гласила: "Если какая-нибудь область не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или имперскими законами, то президент империи может понудить ее к этому с помощью вооруженной силы. Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы". А именно ему, как и положено главе государства, принадлежало право "верховного главнокомандования всеми вооруженными силами империи" (ст. 47). И тем не менее, даже обладая весьма мощными властными prerogative, президент

П. фон Гинденбург не смог предотвратить антиконституционного и, как оказалось вскоре, трагического развития событий после занятия А. Гитлером должности рейхсканцлера и проведенного в рейхстаге чрезвычайный закон, наделявший его фактически диктаторскими полномочиями.

Но раз так, имеет ли вообще смысл заботиться об институциональном устройстве? Не лучше ли положиться на естественный ход событий и либо фаталистично взирать на языческий и антихристианский по своей сути процесс рождения системы во главе с вождем, либо даже включиться в этот процесс? Кто-то наверняка даст положительный ответ. Только надо понимать, что он *переводит государственность в принципиально иное качество*, где институциональный дизайн публичной власти действительно уже не имеет значения, так как его приспосабливают к нуждам вождя или лица, стремящегося стать вождем. В подобных условиях вообще бессмысленно рассуждать об институциональном факторе конституционного строя, ибо такого строя при наличии вождя существовать не может. А любые апелляции к конституции в этих условиях не более чем лукавство.

Это хорошо иллюстрирует советский тип власти. Хотя официального понятия "глава государства" в СССР не существовало, "коллективным главой государства" публицисты нередко именовали Президиум Верховного Совета СССР. Основной его функцией было издание указов, имевших силу законов, а Верховный Совет СССР, именовавшийся "высшим органом государственной власти", собираясь на 1–2 дня два раза в год (!), формально утверждал эти указы, перечень и содержание которых, в свою очередь, "поставляло" Политбюро ЦК КПСС. Однако заметьте (особенно ярко это проявилось в сталинскую эпоху): М. Калинин, будучи председателем Президиума Верховного Совета СССР, с легкой руки пропагандистской машины звался "всеобщим *старостой*", одновременно в обиходную речь той же машиной было запущено ласковое прозвище "*дедушка* Калинин". Таким образом, через эмоциональную сферу в сознание внедрялась идея симбиоза двух патриархальных концепций "государство = община" и "государство = семья". Ведь "староста", по своему смыслу, – не "отец общины". Он сам – человек подневольный, хотя и привилегированный, но все же не барин. "Барин", то есть "истинным отцом", был государственно не институционализированный вождь И. Сталин. Одновременно образ "дедушки" призван был подчеркнуть периферийный, точнее, номинальный характер данной государственной должности.

Общество, опутанное сетью патриархальных стереотипов и еще не постигшее ценность конституционализма, скорее всего, предпочтет озаботиться поиском или сохранением "достойного правителя", нежели переустройством самой системы власти. И кажется, Россия склоняется к такому выбору, хотя его трагизм станет очевиден не сразу. Сегодня в стране уже больше (хотя пока ненамного) тех, кто хотя бы видит в главе государства "отца нации" (48%), а не "современного, эффективного управленца" (42%).

На первый взгляд, это печальное наблюдение опровергает сказанное выше о значимости *институционального фактора*. Однако в том-то и дело, что во многом именно пренебрежение к нему со стороны элит (кому-то персоналистская система власти выгодна, а кто-то просто не понимает причинно-следственных связей, действующих в данной сфере) обуславливает нарастание массовой вождистской психологии. Когда люди видят, что реальная власть, причем в полном согласии с конституцией, сконцентрирована в руках одного политического субъекта – главы государства, – они, естественно, в силу закономерностей рационального поведения⁹, апеллируют к такому монособъекту. Поэтому трудно согласиться с мнением Московичи о том, что никогда потребность в вождях в мире не была такой острой, как сегодня [Московичи, 1996, с. 24]. На мой взгляд, востребованность во-

⁹ В экономической науке под этим понимается поведение обычного человека, направленное на *достижение максимума результатов при имеющихся ограничениях*. Соответственно, человек, осознающий такие ограничения, выстраивает свою поведенческую стратегию. Он мотивирован не только своими потребностями и интересами, но и внешними условиями достижения целей. Данное понятие совершенно правомерно перенести и на сферу публично-властных отношений.

жда появляется там, где политическая система не сбалансирована определенным образом и потому плохо работает система представительства интересов и ценностей.

Вот почему актуален сегодня поиск такого институционального дизайна, который способен воспрепятствовать развитию по "вождистской" парадигме. И в рамках такого поиска необходимо прежде всего понять, почему современная цивилизация сохранила институт главы государства, каковы его природа и предназначение. А это, в свою очередь, зависит от того, является ли он случайным в истории или отражает некую глубинную социальную потребность. И тут рисковно представить еще одну гипотезу.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. М., 2005.
- Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907.
- Аристотель. Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.–СПб., 2003.
- Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
- Бернам У. Правовая система США. М., 2006.
- Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.
- Дёгтев Г.В. Конституционно-правовой статус Президентов Российской Федерации и США: сравнительно-правовой анализ. М., 2003.
- Дёгтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М., 2005.
- Ивановский В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. 1896. № 7.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4 т. Т. 1–2. Часть общая. Учебник. М., 1999.
- Конституционное право. Словарь. М., 2001.
- Конституция Российской Федерации: энциклопедический словарь. М., 1995.
- Краснов М.А. Конституционная монархия спасет демократию // Независимая газета. 1998. 9 сентября.
- Крылов Б.С. Вводная статья // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1. М., 2001.
- Линц Х. Опасности президентской формы правления // Теория и практика демократии. Избр. тексты. М., 2006.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1988.
- Лукиянов А.И. Введение. Президентство в России (или судьба конституционных иллюзий) // Марино И. Президент Российской Федерации: конституционно-правовые отношения. М., 2007.
- Маклаков В.В. Конституция Великобритании (вступительная статья) // Конституции буржуазных государств. М., 1982.
- Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. М., 1976.
- Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. М., 2004.
- Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.
- Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. М., 1994.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2003.
- Суворов В. Институт главы государства: юридическая природа и положение в системе власти // Право и жизнь. 1998. № 13.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого "Я" // Психология масс. Хрестоматия. Самара, 1998.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.
- Чиркин В.Е. Президентская власть // Государство и право. 1997. № 5.